

Г. А. Мольков

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПОЯВЛЕНИЯ БЫТОВОЙ ГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ*

В статье выдвигается гипотеза, согласно которой важным фактором, обусловившим зарождение бытовой графической системы в древнерусской письменности XI в., был навык писцов по устранению ряда южнославянизмов, связанных с употреблением графем **ѣ**, **о**, **ѡ**, **ѣ**, **ѣ**. В бытовой письменности происходил переход от позиционно ограниченного книжного приема, опирающегося на реальное произношение писца, к его применению без учета произношения, дающему полную дублетность **ѡ = о**, **ѣ = ѣ = ѣ**. Возможность перехода подтверждается существованием в ранний период книжных орфографических систем с расширенным использованием книжного навыка (в частности специфическая система со смешением **ѣ** и **ѣ** используется в списке Служебной минеи Соф. 188 нач. XII в.). Такую орфографию можно рассматривать как промежуточный этап на пути от стандартного восточнославянского письма раннего периода к неполноразличительному.

Ключевые слова: бытовая графическая система, древнерусская орфография, смешение **ѡ**, **о**, смешение **ѣ**, **ѣ**, **ѣ**

G. A. Molkov

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

On the causes for the emergence of the common graphic system in the Old Russian writing

The hypothesis is put forward in the article, according to which an important factor that determined the emergence of the common graphic system in the Old Russian writing of the 11th century was the skill of scribes to eliminate a number of features of the South Slavonic orthography associated with the use of letters **ѣ**, **о**, **ѡ**, **ѣ**, **ѣ**. In common writing, there was a transition from a positionally limited book rule based on the scribe's real pronunciation to its use without taking into account the pronunciation, giving a complete confusion **ѡ = о** and **ѣ = ѣ = ѣ**. The possibility of such a transition is confirmed by the existence in the early period of book spelling systems with expanded use of book skill (in particular, a specific system with a variation of **ѣ** and **ѣ** is used in the manuscript Sof. 188 of the beginning of the XII century). Such spelling can be considered as an

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-012-00113.

intermediate stage on the way from standard East Slavonic writing of the early period to non-distinctive.

Keywords: common graphic system, Old Russian orthography, о and ђ variation, ѐ, љ and ѣ variation

В древнерусской письменности XI–XIV вв. написания со взаимным смешением букв о / ђ и ѐ / љ / ѣ представляют собой специфическое графическое явление. Систему с подобным смешением А. А. Зализняк назвал бытовой или неполноразличительной графической системой (Zalizniak 2002: 578, 595). Основной сферой ее функционирования является некнижная письменность, тогда как за пределами берестяной письменности «самый известный памятник этой категории — список А договора Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г.» (Там же: 577). Хорошо известны также примеры использования данной системы в книжных текстах (Sobolevskiy 2006: 504; Goloskevich 1914: 24; Schaeken 2000: 329; Krysko 2000: 89), где они во всех известных случаях единичны, появляясь в отдельных почерках не более чем в 2% возможных позиций (Zhivov 2006: 95)¹. Тем не менее, уже в рукописях XI в. наблюдаются единичные примеры фонетически незакономерных написаний о, ѐ вместо ђ, љ в слабой позиции редуцированных.

До сих пор окончательно не решенным следует признать вопрос о происхождении этого явления. Не вызывает сомнений зависимость систем бытового типа от орфографии церковных письменных памятников (Zalizniak 2002: 607), однако природа этой зависимости объясняется исследователями по-разному. Высказанная А. А. Шахматовым (Shakhmatov 1915: 208–209) и Н. Н. Дурново (Durnovo 2000: 449–450) гипотеза о церковном чтении еров, при котором буквы ђ, љ в любой позиции читались как [o], [e], была поддержана рядом авторитетных исследователей (Uspenskiy 1997; Zhivov 2006: 93–95; Zalizniak 2002). Н. Н. Дурново предложил следующее объяснение возникновения на Руси традиции нестандартного чтения слабых еров: «Между южными славянами, бывшими на Руси в XI и XII вв., от которых русские усваивали церковное или литературное произношение, были и такие, которые произносили ђ, љ сильные как о, ѐ или, по крайней мере, так, что русские воспринимали ђ, љ в их произношении как о, ѐ. Так же

¹ В. М. Живов не соотносит эту цифру с каким-либо конкретным почерком; в Евсевиевом евангелии 1283 г., по данным А. А. Зализняка (2002: 580), доля бытовых написаний составляет около 0,7%.

произносили они ъ, ь слабые при пении, а иногда, быть может, и при чтении нараспев» (Durnovo 2000: 449). Таким образом, данная гипотеза (ср. выделенные нами места в цитате) в конечном счете апеллирует к «восприятию» русскими болгарской речи XI в., не подтвержденному какими-либо фактами или свидетельствами. В то же время у ученых, поддержавших эту версию возникновения древнерусской письменной традиции, тот же тезис обычно приводится со ссылкой на Дурново в другой модальности, ср.: «В русском книжном произношении XI–XII вв. (до падения редуцированных в живой русской речи) буква ъ читалась так же, как буква о, а буква ь — так же, как буква е» (Uspenskiy 1997: 145); «...на Руси в XI в. и позднее существовала манера чтения церковных текстов, при которой ъ и ь читались соответственно как /o/ и /e/» (Zalizniak 2002: 593). На это несоответствие в модальности тезиса о церковном произношении еров (слабо обоснованная гипотеза у Шахматова-Дурново и ссылки на нее как на установленный факт у их последователей) неоднократно указывалось (Porov 2004: 222; 2015: 52; Kolesov 2008: 293; Ladyzhenskiy 2011: 115–116). Кроме того, М. Б. Попов обратил внимание на то, что сама идея особого церковного произношения возникла «в дофонологический период развития исторической фонетики для объяснения отношений между живым произношением, коррелятом которого была фонетическая транскрипция, и правописанием, которое воспринималось тогда как нечто подобное транскрипции фонематической» (Porov 2004: 223).

Отсутствие фактологической основы рассматриваемой гипотезы привело исследователей, опирающихся на нее, к ряду парадоксальных и противоречивых утверждений, подробно рассмотренных в диссертации И. М. Ладыженского (Ladyzhenskiy 2011: 100–116). Распространение объяснения Шахматова-Дурново на орфографию берестяных грамот логически противоречиво: как отмечает Ладыженский, «просто объяснять появление бытовых графических систем книжным произношением в принципе нельзя — ведь сама идея книжного чтения еров всецело построена на констатациях орфографических явлений вроде бытовых (т. е. особая книжная дикция обосновывается определенным графическим феноменом, потом генезис этого феномена объясняется особой книжной дикцией)» (Ladyzhenskiy 2011)². По мнению исследователя, нестандартные

² См. также Porov 2015: 53.

написания, связанные со смешением на письме ъ, ь и о, е, обязаны своим появлением влиянию южнославянской орфографии и «изначально сложились оттого, что буквы, соответствующие гласным полного образования, могли писаться там, где в речи восточных славян звучали редуцированные звуки» (Ladyzhenskiy 2011: 117–118).

Высказанное И. М. Ладыженским предположение опирается на вполне реальные факты — на старославянские рукописи с большим количеством прояснений, а также на древнерусские письменные тексты XI в. с непрояснившимися редуцированными. Мысль о сопоставлении двух разных языковых систем — с прояснившимися и сохранившимися ерами — базовое положение, на которое опирается и гипотеза об особом церковном произношении раннего периода. Дурново (и его последователи) рассматривают контраст двух систем в фонетической плоскости (для чего нет достаточных оснований); более приемлемым нам представляется предложение И. М. Ладыженского перенести рассмотрение в орфографическую плоскость, при котором южнославянский компонент выступает в письменной форме. Но переход от сопоставления древнерусского звучания с написаниями авторитетных южнославянских рукописей к распространению того же принципа «на ъ и ь в слабом положении» и тем более — к бытовым графическим системам остается неясным. При отказе от предложенного Дурново гипотетического переходного звена в виде особой книжной дикции нужны другие модели, объясняющие возникновение специфического употребления букв о/ѡ, е/ѣ на русской почве.

При обсуждении данного вопроса нельзя забывать и о том, что в бытовой письменности смешение «ь с е нередко сопровождается также смешением их обоих с ѣ, что дает тройное смешение ь – е – ѣ» (Zalizniak 2002: 577). И. М. Ладыженский, констатируя, что причины «смещения на письме ѣ и е (ь) не вполне ясны» (Ladyzhenskiy 2011: 115, сноска 35), ссылается при этом на гипотезу, предложенную М. Б. Поповым (Роров 2004: 336), как на наиболее убедительное объяснение указанного явления. Однако объяснение Попова опирается на параллелизм фонем /e/ – /ê/, /o/ – /ô/, являвшийся инновацией древнерусского языка, и применимо к периоду «с конца XII и до начала XIV в.», когда смешение ѣ и е является нормой для берестяных грамот, а также «характерно для новгородских памятников конца XII–XIII в.» (Там же: 331). Хотя при этом отмечается и «наличие фактов смешения ѣ и е» в более ранних

берестяных грамотах (в частности, эффект $\text{ѣ} \rightarrow \text{ѣ}/\text{е}$ наблюдается в грамоте № 613, относящейся к 30–50-м гг. XI в. (Zalizniak 2004: 242–243)), гипотеза М. Б. Попова, отсылающая к фонетическим процессам более позднего периода, не объясняет генезис рассматриваемого явления в бытовой орфографии.

Даже если оставить в стороне хронологический разрыв, единое графическое явление ($\text{о}/\text{ѣ}$, $\text{ѣ}/\text{ѣ}/\text{ѣ}$) в трактовке, предлагаемой И. М. Ладыженским, восходит к двум гетерогенным источникам — особенностям восточнославянской фонологической системы³ и влиянию южнославянской орфографии (один источник — сугубо разговорный, другой наоборот — сугубо книжный), что представляется маловероятным.

Кроме того, объединение двух факторов, как кажется, создает следующее неразрешимое противоречие: 1) дублетность $\text{ѣ}/\text{ѣ}$, согласно М. Б. Попову (Роров 2004: 333), связана с тем, что для двух фонем o есть всего одна буква o ; 2) при дублетности $\text{ѣ}/\text{o}$ для фонемы o (одной или двух) имеется две буквы — ѣ и o , причем, как видно из орфографии надписи на Суздальском змеевике (Gippius, Zalizniak 1998: 552), писец мог с успехом использовать две эти буквы для различения двух разных o ; 3) следовательно, асимметрии в наборе букв для двух е и двух o в рамках набора графем, которыми оперирует бытовая письменность, нет и, таким образом, нет предпосылки, на которой основана гипотеза Попова (т. е. механизм, предполагаемый этой гипотезой, как раз в бытовой письменности и не должен был срабатывать).

На наш взгляд, промежуточное звено в формировании бытовых графических систем (как и их отправная точка) может быть описано без отсылок к какому-либо специфическому типу произношения (южнославянскому разговорному или развившемуся на его основе книжному) или фонологическим оппозициям древнерусского языка — как явление, возникшее в пределах орфографической сферы. В ситуации, когда между южнославянскими и восточнославянскими рукописями XI–XII в. наблюдается существенная разница в употреблении еров (наличие / отсутствие прояснений (Durnovo 2000: 440; Ladyzhenskiy 2011: 117–118)), логично предположить, что в ходе

³ М. Б. Попов, на гипотезу которого ссылается И. М. Ладыженский, связывает графическое смешение букв ѣ и ѣ с появлением в древнерусском языке в ходе падения редуцированных «новой корреляции по ДП [дифференциальному признаку — Г. М.] напряженности–ненапряженности — $/\hat{e}/ : /e/$, $/\hat{o}/ : /o/$ » (Роров 2004: 335).

переписывания южнославянских рукописей древнерусскими писцами проводилась масштабная правка букв в позициях этимологических редуцированных. Для того чтобы записать текст в требуемом виде, книжникам, имевшим дело с болгарским антиграфом, приходилось многократно проделывать операции по замене букв, а именно (в том, что касается редуцированных) $\text{о} > \text{ѣ}$ и $\text{ѣ} > \text{ѡ}$. Из сохранившихся ранних рукописей такую ситуацию можно предполагать, в частности, для антиграфа Погодинского евангелия⁴. В тексте Евангелия по этому списку сохранились отдельные грамматические болгаризмы (простой аорист и сигматический древнего типа, вспомогательный глагол в условном наклонении с основой **би-**), которые, при наличии остаточных прояснений типа **врьтопѣ** и **самаранехѣ**, показывают, что в западноболгарском протографе рукописи был отражен процесс прояснения редуцированных.

Судя по последовательности в устранении южнославянизмов (ср. почерки XI в., в которых о , ѣ в сильной позиции редуцированных полностью отсутствуют), древнерусских писцов в ранний период специально обучали заменять о на ѣ и ѣ на ѡ в тех позициях, где в их собственной речи звучали [ѣ], [ѡ], и, вероятно, акцентировали внимание обучающихся на этой частотной и обязательной операции. Для целого поколения восточнославянских писцов было актуально представление о большей правильности еров по сравнению с о и ѣ в ряде позиций в рамках книжного письма. Кроме того, важно учитывать, что русские книжники, несомненно, сверявшиеся с собственным произношением, в котором сохранялись звуки [ѣ], [ѡ], по сути проводили следующую замену: $\text{о} = [\text{ѣ}] > \text{ѣ} = [\text{ѡ}]$ (например, **сонѣ** > **сѣнѣ**); $\text{ѣ} = [\text{ѡ}] > \text{ѡ} = [\text{ѡ}]$ (например, **дѣнь** > **дѡнь**). Несмотря на то, что соответствия $\text{о} = [\text{ѣ}]$ и $\text{ѣ} = [\text{ѡ}]$ признавались недопустимыми (например, в тексте Евангелия), тем не менее: а) писцы постоянно имели дело с южнославянскими рукописями, в которых, с их точки зрения, было именно такое «неправильное» соответствие; б) для некоторых текстов такое соответствие все же признавалось в XI в. возможным (ср. написания Толстовской псалтыри, списка Пандектов Антиоха и др.).

По словам В. М. Живова, некнижной письменности было не свойственно «стремление к функциональной дифференциации

⁴ Рукопись, судя по употреблению букв **оу** и **ю**, переписывалась с восточнославянского списка (Molkov 2016: 240), в котором, вероятнее всего, необходимая правка в сфере еров уже была проделана.

графических дублетов; когда они употребляются, они в основном употребляются безразборно» (Zhivov 2006: 58), поскольку «некнижное письмо было основано на базовых соответствиях графем и фонем и игнорировало орфографические правила, применявшиеся (в разном объеме) книжной письменностью» (Zhivov 2017: 686)⁵. Из указанных предпосылок — фактически наблюдавшегося русскими писцами соответствия **o** = [ъ] и **e** = [ь] и, что представляется решающим фактором, нормативности для них замен **o** > **ъ**, **e** > **ь** при списывании с южнославянского антиграфа, а также при учете указанной Живовым специфики некнижного письма вполне закономерно могли возникнуть бытовые системы типа *o* → *ъ*, *e* → *ь* или *o* → *ъ/o*, *e* → *ь/e*; они появлялись у тех писцов, которые свой книжный навык проводить замену **o** > **ъ**, **e** > **ь** начинали применять без необходимости (в ситуации текста, не имевшего южнославянского антиграфа, соответствий **o** = [ъ] и **e** = [ь], подлежащих исправлению, вовсе не возникало), т. е. для тех позиций **o** и **e**, где соотнесение текста с речью давало нормальное соответствие **o** = [o] и **e** = [e]. Применение этого приема в отрыве от изначальной ситуации его бытования (при правке южнославянских списков) давало в свою очередь соответствия типа **ъ** = [o], **ь** = [e] при соотнесении получившегося текста с его реальным звучанием: словоформа **се~~л~~о**, записанная с «безразборным» применением книжных приемов как **сьлъ**, соотносилась со звучанием [selo] в речи автора грамоты, т. е. давала соответствия **ъ** = [o], **ь** = [e].

Важно подчеркнуть, что речь идет о зарождении и традиции дублетно применять ряд букв в бытовом письме, а не о самом процессе обучения этому письму. Описанная логическая цепочка была актуальна, по-видимому, только на ранней стадии — при появлении традиции писать на бересте (хотя возможно, что происхождение этого явления было понятно пишущим, владевшим и книжным письмом, весь период актуальности приема **o** > **ъ**, **e** > **ь**); в дальнейшем — у следующих поколений писавших — такие написания становились традиционными для бытовой письменности навыками дублетного употребления букв **o/ъ**, **e/ь**, при котором «склады типа **бъ** и **бо**, **бь** и **бе**, **ца** и **ча** заучиваются как фонетически тождественные последовательности: [bo], [be], [cä]» (Zhivov 2017: 303). Существование такой системы, войдя в практику, могло сохраняться «в усло-

⁵ Ср. также итоговую таблицу сравнения регистров письменного языка в (Zhivov 2017: 690).

виях противопоставления живого (разговорного) и стандартного (нормированного) книжного узуса наряду с четким (последовательным) противопоставлением диалектной и книжной (или даже просто наддиалектной) грамматических систем» (Ladyzhenskiy 2011: 118).

Наиболее необычным и требующим дополнительной аргументации в предложенной линии развития орфографической традиции выглядит переход от позиционно ограниченного книжного приема, опирающегося на реальное произношение писца (и без него невозможного), к его применению без учета произношения, дающему полную дублетность **ѣ** = **о**, **ь** = **е**. Кроме того, неучтенным оказывается участие буквы **ѣ** в менах с **е** и **ь**. Но как раз это обстоятельство и дает возможность восстановить недостающее звено в трансформации книжного приема в графическую дублетность, поскольку сохранилась письменная фиксация стадии, типологически предшествующей образованию дублетности **е** = **ѣ**.

Такая специфическая орфографическая система представлена в списке Служебной минеи нач. XII в. Соф. 188⁶. Главным отличием ее написаний от стандартных орфографических систем является расширение сферы использования замены **ѣ** > **е** на максимально широкий набор позиций, производившее (что характерно) на первых исследователей рукописи впечатление графической дублетности **ѣ** и **е**. Только точные количественные данные позволили показать отличие системы написаний Соф. 188 от ситуации полной дублетности (Molkov 2018: 139–142, Таблицы 2, 3). Для проблематики настоящей статьи важен тот факт, что расширение набора позиций в Соф. 188 приводит к появлению написаний, противоречащих произношению писца: местоименная форма **вьсѣмъ** регулярно записывается им в виде **вьсемъ** = [vʲsĕmʲ], и за образец такой орфограммы взяты проводившиеся при правке южнославянской орфографии исправления типа **прѣд-** > **пред-**, **тѣлес-** > **телес-**. Это подтверждает возможность аналогичного развития орфограмм, связанных с ерами: с опорой на книжные замены типа **сонъ** > **сѣнь**, **день** > **дѣнь** возникает орфография, допускающая и замены **къто** > **кътъ**, **мене** > **мѣнь**, **притекле** > **притьклѣ** и т. п. (при отсутствии антиграфа в роли этих фонетически адекватных **къто** и **мене** выступает живое произношение

⁶ Описанию этой орфографической особенности Соф. 188 посвящена отдельная статья (Molkov 2018).

соответствующих форм). В книжном памятнике этот перенос не приводит к безразличному смещению позиций, но регламентируется сложной системой правил, логика которых может быть прослежена; в некнижной письменности при невозможности для менее квалифицированных писцов выстраивать сложные соответствия между позициями книжный прием приводит к дублетности графем.

Еще одна важная деталь, представленная в орфографии Соф. 188, — это возможность при базовом приеме $\text{Ѣ} > \text{ѐ}$ и обратной замены. При отсутствии Ѣ в исходной словоформе, входящей в один из разрядов, подлежащих перекодировке (см. написание лексем **s*-основ (Molkov 2018: 153)), писец принимает решение делать в ней замену $\text{ѐ} > \text{Ѣ}$. Этот пример показывает, что при расширении действия орфографического приема, связанного с заменой, направление этой замены могло оказаться менее важным, чем сам факт ее осуществления. Очевидно, по такой же логике необходимость замен $\text{о} > \text{Ѣ}$, $\text{ѐ} > \text{Ѣ}$ при исправлении южнославянской орфографии с прояснениями могла спровоцировать и обратные замены у писца, решившего расширить область применения этого приема.

Таким образом, материал Соф. 188 позволяет представить стадии перехода от книжного южнославянского письма к бытовому древнерусскому в следующем виде: 1) писец Соф. 188 владел навыком менять $\text{Ѣ} > \text{ѐ}$ в необходимых позициях (его этому учили); 2) он явно решил, что ту же замену можно и нужно делать не только там, где его учили, но и в сходных по некоторым параметрам (после р , л и т. д.) позициях, а также делать обратную замену $\text{ѐ} > \text{Ѣ}$ в ряде маркированных позиций; 3) в свою очередь человек с такими орфографическими представлениями при обучении письму объяснял, что Ѣ — это [ѐ], а ѐ — это [ѐ], но не будет нарушением орфографии и менять эти две буквы одну на другую, опуская набор позиций и тонкости дистрибуции, не приемлемые для бытового письма. Подобный переход можно предполагать и для пар графем $\text{о}/\text{Ѣ}$, $\text{ѐ}/\text{Ѣ}$, участвовавших в аналогичных заменах.

Представленные выше аргументы позволяют соотнести явления ранней древнерусской письменности, связанные с незакономерными «прояснениями» еров, а также смещение $\text{о}/\text{Ѣ}$, $\text{ѐ}/\text{Ѣ}$ в некнижных текстах не с гипотетической искусственной системой произношения, а с реально зафиксированной в книжной письменности частичной дублетностью букв Ѣ , о , ѐ , Ѣ и Ѣ (ср. возможность пар написаний типа *смокъвън-* — *смо-*

ковън-, чьсть — честь, прѣдъ — предъ) и, главным образом, с заменами в книжном письме, входившими в ранний период (XI в.) в число обязательных навыков квалифицированного писца и приводившими к этим оппозициям.

Если дублетность типа ꙗ — ѡ, ѡ — ѡ, ѡ — ѡ устранялась в бытовой письменности путем отказа от одной из графем пары (Zhivov 2006: 56–57), то в случае с буквами ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ такое решение создавало бы значительные сложности в восприятии текста (хотя эффекты типа ѡ → ѡ или ѡ → ѡ в берестяных грамотах показывают, что и такой вариант был возможен). Вследствие этого в некнижной письменности сохранялись все пять графем, получивших в книжной письменности орфографически маркированный статус взамен простых фонетических соответствий типа ѡ = [o], ѡ = [o] и т.д. Понижение письменного регистра сочеталось с отказом от правил распределения этих графем — в соответствии с закономерностями бытового письма, омонимичные буквы в котором взаимозаменяемы.

Литература

- Durnovo, N. N. 2000: [Russian XI and XII century manuscripts as monuments of the Old Slavonic language]. In: Durnovo N. N. *Izbrannye raboty po istorii russkogo yazyka* [Selected works on the history of Russian]. Moscow, 391–495.
- Дурново, Н. Н. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка. В кн.: Дурново Н. Н. *Избранные работы по истории русского языка*. М., 2000, 391–495.
- Gippius, A. A., Zalizniak, A. A. 1998: [On the inscriptions on the Suzdal medallion]. In: *Balto-slavyanskije issledovaniya 1997*. Moscow, 540–562.
- Гиппиус А. А., Зализняк, А. А. 1998: О надписях на Суздальском змеевике. В сб.: *Балто-славянские исследования, 1997*. М., 540–562.
- Goloskevich, G. K. 1914: *Ievsevievo evangelie 1283 goda: Opyt istoriko-filologicheskogo issledovaniya* [Eusebius Gospel of 1283: An Experience in Historical and Philological Research]. Saint-Petersburg.
- Голоскевич, Г. К. 1914: *Евсевиево евангелие 1283 года: Опыт историко-филологического исследования*. СПб.
- Kolesov, V. V. 2008: *Russkaya istoricheskaya fonologiya* [Russian historical phonology]. Saint-Petersburg.
- Колесов, В. В. 2008: *Русская историческая фонология*. СПб.
- Krysko, V. B. 2000: [Review of: M. G. Galchenko. Inscriptions on Old Russian icons of the XII–XIV centuries]. *Slavianovedenie* 2, 88–90.
- Крысько, В. Б. 2000: [Рец.] Гальченко М. Г. Надписи на древнерусских иконах XII–XIV вв.: Палеографический и графико-орфографический анализ. М. 1997. *Славяноведение* 2, 88–90.

- Ladyzhenskiy, I. M. 2011: *Grafiko-orfograficheskie i yazykovye osobennosti rukopisnykh knig Tipografskogo sobraniya RGADA* ¹ 165, 166, 167 [Graphic, spelling and linguistic features of manuscript books of the Typographic collection of the RSAA No. 165, 166, 167]. PhD Thesis, Moscow.
- Ладыженский, И. М. 2011: Графико-орфографические и языковые особенности рукописных книг Типографского собрания РГАДА № 165, 166, 167: Дис. ... канд. филол. наук. М.
- Mol'kov, G. A. 2016: [Peculiarities of the language and script of Pogodinskoie Gospel (NLR, Pogod. 11)]. *Die Welt der Slaven* LXI, Heft 2, 230–253.
- Мольков, Г. А. 2016: Особенности языка и письма Погодинского Евангелия (РНБ, Погод. 11). *Die Welt der Slaven* LXI, Heft 2, 230–253.
- Mol'kov, G. A. 2018: [Variation of the letters ѐ and ѡ in the Office Menaion of the early 12th century (RNL, Sof. 188)]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* 1 (35), 133–160.
- Мольков, Г. А. 2018: Смещение букв ѐ и ѡ в Служебной минее начала XII в. (Соф. 188). *Русский язык в научном освещении* 1 (35), 133–160.
- Popov, M. B. 2004: *Problemy sinkhronicheskoy i diakhronicheskoy fonologii russkogo yazyka* [Problems of the synchronic and diachronic phonology of Russian]. Saint-Petersburg.
- Попов, М. Б. 2004: Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.
- Popov, M. B. 2015: [On the issue of reduced vowel loss in Old Russian: chronology, phonological devices, evidence in written monuments]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* 157, 5, 47–67.
- Попов, М. Б. 2015: К вопросу о падении редуцированных гласных в древнерусском языке: хронология, фонологический механизм, отражение в памятниках. *Ученые записки Казанского университета* 157, 5, 47–67.
- Schaeken, J. 2000: Notes on the later Russian part of Sava's Book. *Russian Linguistics* 24, 321–337.
- Shakhmatov, A. A. 1915: *Ocherk drevneyshego perioda istorii russkogo yazyka* [Essay on the most early period in the history of the Russian language]. Petrograd.
- Шахматов А. А., 1915: Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг. (Энциклопедия славянской филологии; 11.1.)
- Sobolevskiy, A. I. 2006: [Review of: Study on the language of the Synodal Copy of the 1st Novgorod Chronicle, by B. M. Liapunov (1900)]. In: *Sobolevskiy A. I. Trudy po istorii russkogo yazyka* [Proceedings on the history of the Russian language]. Vol. II. Moscow, 501–509.
- Соболевский, А. И. 2006: [Рец.] Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи. Труд Б. М. Ляпунова... [1900]. В кн.: *Соболевский А. И. Труды по истории русского языка*. Т. 2. М., 501–509.

- Uspenskiy, B. A. 1997: [Russian Church pronunciation of the XI–XII centuries and its connection with the South Slavic tradition: (Jers' spelling)]. In: *Uspenskiy B. A. Izbrannyye trudy. T. 3: Obshchee i slavyanskoe yazykoznanie* [Selected Works. Vol. 3: General and Slavic linguistics]. Moscow, 143–208.
Успенский, Б. А. 1997: Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией: (чтение еров). В кн.: Успенский Б. А. *Избранные труды. Т. 3. Общее и славянское языкознание*. М., 143–208.
- Zalizniak, A. A. 2002: [Old Russian spelling with ъ — о and ъ — е variation]. In: *Zalizniak, A. A. Russkoe imennoe slovoizmenenie s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiu* [“Russian noun declination” with the application of selected works on modern Russian language and general linguistics]. Moscow, 577–611.
Зализняк, А. А. 2002: Древнерусская графика со смешением ъ-о и ъ-е. В кн.: Зализняк, А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 577–611.
- Zalizniak, A. A. 2004: *Drevnenovgorodskiy dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed. Moscow.
Зализняк, А. А. 2004: Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. М.
- Zhivov, V. M. 2006: *Vostochnoslavianskoe pravopisanie XI–XIII veka* [Eastern Slavic orthography of the XI–XIII centuries]. Moscow.
Живов, В. М. 2006: Восточнославянское правописание XI–XIII века. М.
- Zhivov, V. M. 2017: *Istoriya yazyka russkoy pismennosti* [History of the language of Russian literature]. Moscow.
Живов, В. М. 2017: История языка русской письменности. М.